

М.Е. БАБИЧЕВА

ПРАВОСЛАВИЕ И РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.И. АЛЕКСЕЕВА

Майя Евгеньевна Бабичева,

Российская государственная библиотека,
научно-исследовательский отдел библиографии,
ведущий научный сотрудник
Воздвиженка ул., д. 3/5, Москва, 119019, Россия

кандидат филологических наук
E-mail: BabichevaME@rsl.ru

Реферат. В статье впервые осуществлена попытка выявить культурологическую составляющую творческого наследия В.И. Алексеева и ввести его художественную прозу в научный оборот. Это позволит полнее представить совокупный объем русской зарубежной литературы и углубить анализ ее как культурного феномена. В.И. Алексеев — писатель второй волны русской эмиграции, в настоящее время почти неизвестный на родине. Между тем его произведения — достойная часть нашей национальной культуры, заслуживающая внимания российских читателей и исследователей по целому ряду причин. Прежде всего, это специфический ракурс, в котором писатель видит и отражает действительность. Отечественную историю В.И. Алексеев рассматривает через неразрывную связь русской национальной идеи и православной веры. Во-вторых, сложность и значимость периода российской истории, о котором пишет В.И. Алексеев. Действие в его произведениях, отразивших, главным образом, личный жизненный опыт автора, разворачивается в СССР в годы между двумя мировыми войнами, а также по обе стороны фронта во время Великой Отечественной войны и на Западе (в основном в Германии) вскоре после завершения Второй мировой войны. В статье рассмотрены особенности индивидуального стиля автора, безусловно имеющего большие литературные способности. Выявлены и представлены

три основных способа раскрытия центральной идеи главного художественного произведения В.И. Алексеева — диалоги «Невидимая Россия» (1952) и «Россия солдатская» (1954). Определена жанровая природа этой работы.

Комплексный анализ творческого наследия В.И. Алексеева дан в статье в соотнесении с его биографией. Жизненный путь писателя, также почти неизвестный массовому российскому читателю, освещается отчасти на основе малодоступных источников (предисловия к эмигрантским изданиям середины XX в., эмигрантская пресса того же периода); частично реконструирован автором непосредственно по автобиографическим произведениям В.И. Алексеева. Список источников включает редкие, малодоступные материалы и может служить дополнительной характеристикой творческого наследия писателя.

Ключевые слова: национальная идея, Россия, православие, эмиграция, идеология, культура, эпопея, повествование, жанр, стиль, персонаж.

Для цитирования: Бабичева М.Е. Православие и русская национальная идея в произведениях В.И. Алексеева // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 6. С. 747—755. DOI: 10.25281/2072-3156-2017-14-6-747-755.

Василий Иванович Алексеев (1906—2002) — русский ученый-историк и прозаик, все научные труды и литературные произведения которого созданы в эмиграции и впервые опубликованы за рубежом. На родине творческое наследие этого автора мало известно. К настоящему времени в России опубликованы только два научных исследования В.И. Алексеева, посвященных

истории православной церкви [1; 2]. Беллетристика этого писателя в родной стране издавалась пока только однажды: в хрестоматию по литературе русского зарубежья был включен отрывок из его книги о Великой Отечественной войне [3, с. 43–59]. Между тем и литературные произведения В.И. Алексеева, и его научные исследования отражают важнейшую часть отечественной культуры и национальной ментальности — неразрывную связь русской национальной идеи и православной веры.

В.И. Алексеев принадлежит ко второй волне русской эмиграции, по-другому называемой «послевоенным исходом». Эту часть русского рассеяния, возникшую как прямое следствие Второй мировой войны, очень точно характеризует термин, употребляемый в монографии доктора исторических наук Е.И. Пивовара: «диаспора катастроф» (вариант — «диаспора катаклизма»). Одним из отличительных признаков такой диаспоры исследователь считает полное отсутствие контакта с родной страной. Он отмечает, что «стремление остаться на Западе определялось у мигрантов 1940-х гг. не только и не столько заинтересованностью в лучших условиях жизни, но и угрозой репрессий вплоть до расстрела в случае возвращения на родину (так же, как и в 1920-е годы)» [4, с. 99]. При этом (возможно, как раз поэтому) для большинства писателей второй волны эмиграции именно Россия стала главным объектом творческого осмысления и изображения. Прозаики из этой диаспоры выразили в своих произведениях ту часть правды о родине, которую не могли опубликовать современные им писатели в СССР.

В творчестве В.И. Алексеева представлен важнейший аспект жизни нашей страны накануне и во время Великой Отечественной войны, все еще малоизвестный отечественному читателю. Это — религиозное чувство народа, способы его реализации в условиях сталинского режима, соотнесенность его с национальной идеей и противопоставленность коммунистическим воззрениям. Такой ракурс восприятия и отражения действительности тесно сопряжен со сферой научных интересов автора, которые, в свою очередь, в значительной мере обусловлены особенностями его личной судьбы. В основных (базовых) моментах жизненный путь В.И. Алексеева типичен для представителя второй волны русской эмиграции: ГУЛАГ, фронт, плен, сотрудничество с оккупантами, лагерь беженцев, уклонение от реэмиграции, укоренение в другой стране. Однако целый ряд нюансов и характерных деталей делает каждую судьбу особенной и уникальной. Например, происхождение, образование, место жительства и род занятий в СССР, в оккупации и в эмиграции, особенности мировоззрения и степень общественной активности.

Биография В.И. Алексеева к настоящему моменту изучена достаточно полно, включая ее зна-

чимые индивидуальные аспекты. Писатель родился 6 октября 1906 г. во Владимире, но вскоре вместе с родителями переехал в Москву. В 1930 г. закончил исторический факультет Московского государственного университета. Студентом серьезно изучал философию и историю религии, участвовал в организации религиозно-философских кружков. Очевидно в этом и состояла «контрреволюционная деятельность», за которую В.И. Алексеев вскоре после получения диплома был арестован и осужден на пять лет лагерей. Освобожденный в 1934 г. без права проживания в столице поселился в Подмосковье, работал по договору редактором и научным сотрудником в московских научных институтах.

Мобилизованный в армию в 1941 г. В.И. Алексеев уже в 1942 г. попал в плен, оказавшись, таким образом, в зоне немецкой оккупации. В немцах он увидел потенциальных союзников в борьбе с большевизмом, поэтому вступил с ними в сотрудничество. В 1944 г. был направлен для работы в Германию. Убежденный и активный враг сталинизма, после победы СССР В.И. Алексеев не захотел возвращаться на оставшуюся советскую родину. Статус человека, осужденного по политической статье, помог ему не только избежать насильственной репатриации, но и попасть в 1951 г. в США.

К этому моменту в журнале «Возрождение» уже было опубликовано несколько художественных произведений В.И. Алексеева. В Нью-Йорке, где он прожил свои первые американские годы, в начале 1950-х гг. один за другим вышли в свет отдельными изданиями два его романа: «Невидимая Россия» (1952) [5] и «Россия солдатская» (1954) [6]. Параллельно там же появились две книги этого автора о русском православии. Первая из них рассказывала о деятельности нескольких выдающихся иерархов Русской православной церкви (РПЦ) в период с 1941 по 1953 г., вторая посвящена внешней политике РПЦ примерно в то же время, с 1939 по 1953 год [7; 8].

В конце 1950-х гг. В.И. Алексеев переехал в Миннеаполис, где преподавал русскую литературу в университете штата Миннесота. Там в 1962 г. он выпустил маленькую брошюрку о двух русских революциях 1917 г. на английском языке [9]. В 1967 г., там же в Миннеаполисе опубликовал на английском языке полный текст (348 с.) своей докторской диссертации, посвященной деятельности РПЦ на советских территориях, оккупированных фашистами во время Великой Отечественной войны.

Автор этот тяжелейший для русского православия период называет «великим возрождением». Он констатирует массовое, добровольное, активное обращение к православию населения оккупированных территорий и скрупулезно исследует причины этого явления. Среди последних — обострение национального самосознания, ощущение экзистенци-

альности момента, снятие идеологического пресса в данной области и целый ряд других. Теоретические выкладки автора обязательно опираются на конкретные факты истории, творимой у него на глазах. В.И. Алексеев убедительно и последовательно доказывает правомерность обеих частей определения «великое возрождение». Оно станет названием следующей книги автора: «The Great Revival» (1976), также изданной в Миннесоте на английском языке. Этот труд, написанный в соавторстве с Ф.Г. Ставр, углубляет и развивает основные положения диссертации В.И. Алексеева. В 1980 г. данная работа была опубликована на русском языке в журнале «Возрождение», а в 2014 г. издана в Москве [2].

Религиозные взгляды В.И. Алексеева в полной мере выражены в его беллетристике и во многом определяют творческое лицо этого прозаика. Прежде всего — основные особенности главного его художественного произведения: дилогии «Невидимая Россия» и «Россия солдатская».

Авторы предисловий называют каждое из этих сочинений самостоятельной повестью, отмечая при этом наличие общей для обоих произведений системы персонажей. Однако такое жанровое определение представляется спорным. Книги составляют единое эпическое полотно, в котором под очень специфическим углом зрения запечатлена жизнь России с 1925 по 1941 год. Дилогия В.И. Алексеева при этом имеет все основные признаки произведения большой эпической формы. Для нее характерно «именно качественное (а не количественное) многообразие явлений в пространстве и времени. Полнота бытия выступает как *взаимодополнительность* основных его аспектов» [10, с. 288].

Автор дилогии откровенно и утрированно тенденциозен. Историю России в выбранный им период он рассматривает сквозь призму нескрываемой жгучей ненависти к большевикам, которых считает главными врагами страны, сознательно ведущими ее к гибели. Идею большевизма В.И. Алексеев противопоставляет национальной идее, полагая, что провозглашенный и последовательно проводимый большевиками в жизнь пролетарский интернационализм в действительности является не вне-, а антинациональной политикой. С национальной же идеей тесно смыкается, по мнению В.И. Алексеева, идея религиозная. Именно в православии видит он ту силу, которая может объединить русский народ в борьбе с безбожной и антинародной, по его оценке, советской властью.

Центральная и главная идея дилогии — это принципиальная несовместимость двух противопоставленных начал. Одно из них — положительное и естественное — православный русский народ. Другое — отрицательное и противоестественное — большевизм как идеология и советская власть как ее воплощение. Ярко выражен единый пафос обеих

частей дилогии. Автор не просто считает неизбежным столкновение, борьбу двух указанных начал, но и активно приветствует его, полагая победу первого предопределенной.

Три основных способа раскрытия основной идеи в дилогии В.И. Алексеева — непосредственно авторское повествование, построение системы персонажей, включая своеобразие создания образов, и массовые сцены, отражающие сущность исторического момента. Особенности применения каждого из этих способов в совокупности характеризуют индивидуальный стиль писателя.

Важнейшим носителем жанра, выполняющим в первую очередь стилиобразующую функцию, считает Н.Л. Лейдерман интонационно-речевую организацию текста. Исследователь пишет: «В принципе и прежде всего жанрообразующая роль интонационно-речевой организации состоит в том, что ею создается “мелодия” (порой довольно сложная, многоголосая), которая цементирует произведение, придает дополнительную крепость художественному миру» [11, с. 137]. В современном литературоведении признано, что текст эпического произведения «всегда строится на качественных различиях между в основном изображенной (“объектной”) речью персонажей и в основном изображающей речью повествователя или рассказчика» [10, с. 281].

В дилогии В.И. Алексеева доминирует изображающая речь, имеющая при этом богатейшую палитру оттенков. Четко, объективно, образно, со сдержанной негативной эмоцией он пишет о бытовых проблемах советских людей, о бедственном материальном положении большей части российского населения в конце 1930-х годов. Очереди, дефицит практически всех товаров, коммунальные квартиры, плохая работа транспорта, характеризующие быт относительно благополучной Москвы, воспринимаются населением как норма жизни. Еще хуже дело обстоит за пределами столицы: на больших стройках люди живут в бараках, в деревнях бедствуют, в областных центрах влачат унылое существование. Автор фиксирует характерные, на его взгляд, черты провинциального быта и делает соответствующий вывод: «*Набухшие облака бежали над грязными, полными до краев снега улицами. Было десять часов утра. Около хлебных магазинов толпились очереди: бородатые мужики, повязанные платками женщины, оборванные ребятишки. <...> В целом, по сравнению с концом НЭПа, в глаза бросалась грязь, нищета и измученность народа; дома были давно не отремонтированные, хмурые и унылые*» [6, с. 239].

Совсем иначе звучит голос автора, когда речь идет о духовной жизни народа. Изображение конкретного общественно значимого события — похорон патриарха Тихона — органически перерастает в социально-историческое обобщение. В то же время предложения строятся таким образом, что полу-

чается своего рода стихотворение в прозе: «За год перед этим умер Ленин. У Ленина было много приверженцев, особенно в Москве — красной столице мирового пролетариата. Кроме того, на похороны Ленина сгоняли силой. На похороны патриарха старались не пускать. Участвовать в похоронах патриарха было небезопасно. Похороны патриарха замалчивали. На похороны Святейшего Московского и всея России патриарха Тихона пришло больше народу, чем на похороны вождя мирового пролетариата Ленина. Все принимали значение этого события» [5, с. 8].

Этот отрывок передает сильную и сложную эмоцию автора. Траурная церемония вызывает у него радостное чувство, поскольку становится проявлением торжества православия и соответствующим образом воздействует на русский народ. И сюжетно, и стилистически речь автора в данном случае близка реплике его отчасти автобиографического героя Истомина, присутствовавшего на церемонии. «Нет здесь никакого классового различия, — с радостью отмечает Павел. — Один, единый русский народ. Православный русский народ такой, каким он был и в семнадцатом, и в девятнадцатом веках» [5, с. 9].

Еще более поэтично и возвышенно звучит рассказ о духовном прозрении и обретении веры заключенным Григорием Сапожниковым. Эмоциональность этой сцены достигается глубоким психологизмом: автор пытается передать внутреннее состояние своего героя, понять движения его души. Для того чтобы выразить все это в речи, В.И. Алексеев использует не столько собственно лексику, сколько сложную образность и символы. Процесс внутреннего преображения героя писатель сравнивает с падением в пропасть и последующим возвращением из нее (воскрешение к новой жизни). Алексеев так описывает ощущения Григория: «Нить, удерживавшая над пропастью, оборвалась, и он реально почувствовал, что стремглав полетел вниз и сейчас должен разбиться. Ощущение падения было так реально, что Григорий зажмурился. Отчаяние дошло до предела, сердце должно было разорваться... и в этот момент он почувствовал в груди какое-то тепло. А что если Николай прав? А что если действительно есть нечто выше нас, выше этого непроходимого леса, выше этого ужаса? Ведь так остаться не может! Так остаться не может! Сердце перестало сжиматься и сразу стало легче. Григорий открыл глаза и с удивлением огляделся. Внешне все оставалось прежним: горы сине-белого снега, обледенелые ветви елей, узкая, едва протоптанная дорожка» [5, с. 177–178].

Вторую книгу дилогии В.И. Алексеев начинает с пересказа легенды, ходившей по Москве в первые месяцы войны. Стилизация народного сказа на языковом уровне сочетается при этом с включением в текст реалий современной жизни. Получается специфическое и несколько парадоксальное пове-

ствование: «И едет, значит, шофер по Серпуховскому шоссе. А шофер — коммунист, вождя какого-то на дачу свез. Едет один. Ночь темная, промозглая — этой весной дело было. Фары дождь да туман освещают. Вдруг тень женская впереди. Затормозил, рассердился, крикнуть хотел, да язык онемел. Туман, как облако светлое, колышется перед ним, и в тумане женщина. Одежда на ней странная, непривычная, до земли...» [6, с. 9]. Женщина показывает шоферу страшные картины: то горящие хлебные поля, то горы трупов на месте недавней битвы. И только перекрестившись и вспомнив молитву, которой в детстве учила его мать, шофер смог избавиться от страшного наваждения. Эта легенда дает автору основание уже прямо от своего имени сделать откровенно публицистический, очень предвзятый вывод: «Где-то в подсознательной глубине народ не изменился, плуг революции не смог прорезать толщу русского чернозема... Народ остался русским, православным народом. Значит, можно бороться с большевизмом, значит, не бороться нельзя» [6, с. 9].

Построение системы персонажей дилогии также полностью ориентировано на раскрытие основной мысли автора. В произведении три равнозначимых главных героя, один из которых — отчасти автобиографический. Это три молодых человека в возрасте около двадцати лет, очень разные по складу характера: Павел Истомин (прототипом которого во многом стал сам Алексеев), Николай Осипов и Григорий Сапожников. По происхождению и роду занятий все трое являются представителями различных слоев общества. Однако все трое с рождения — русские православные люди. При этом путь, которым каждый из них пришел к религии, и степень воцерковленности значительно различаются. Таким приемом автор создает собирательный образ своего молодого современника (православного, русского).

Павел Истомин — сын дворянина, умершего еще до Первой мировой войны. Его мать, женщина с блестящим образованием, строгими нравственными принципами и понятиями, свойственными ее кругу, целиком посвятила свою жизнь воспитанию единственного сына. Далекая от политики, она на бытовом, житейском уровне столкнулась с несоответствием исконных, общечеловеческих ценностей жизненным установкам нового общества. Следовательно и упорно формируя в сыне лучшие нравственные черты, она в то же время мучилась сознанием, что растит его малоприспособленным к современной жизни.

Специального религиозного воспитания в семье Павел не получил. У него сохранились лишь смутные воспоминания, как в детстве ходил с родителями в церковь и отмечал в семье религиозные праздники. Но подростком он увлекся трудами русских философов и самостоятельно пришел к православии. Однако религиозность Павла никогда не пере-

ходила в фанатизм. Он остался человеком светским, обретя в религии высокий нравственный ориентир и видя в ней ту единственную силу, которая способна разбудить самосознание русского народа и объединить его.

В отличие от Павла Истомина, Николай Осипов — подлинный фанатик православия. Даже внешность его иконописна: «Бледное, узкое лицо и большие темные глаза». Хрестоматийным был и его путь к религии. В начале 1920-х гг., в самый разгар общественного бурления и антирелигиозной пропаганды, «сын профессора-искусствоведа, горячего и независимого, — тоже горячий, тоже независимый, Николай был в комсомоле и разочаровался. Уверовал, как уверовал апостол Павел: сразу и навсегда» [6, с. 11].

Павел впервые увидел Николая в храме. Истомино молящийся юноша вызвал у Истомина такую степень доверия, что едва познакомившись с ним, Павел изложил новому товарищу свою заветную мечту о создании подпольной организации. Пытаясь воплотить эту идею в жизнь, молодые люди обретают своего третьего друга и соратника — Григория Сапожникова. Выходец из рабочей среды, он стал при советской власти профессиональным спортсменом, тренером по легкой атлетике. Но собственное относительное благополучие не заслонило от Григория проблем, стоящих перед обществом в целом. Человек прямой и деятельный, он тоже пытался создать подпольную антибольшевистскую организацию.

В отличие от своих новых друзей, Григорий оставался атеистом вплоть до самого ареста. К Богу он пришел уже в лагере, под непосредственным и активным влиянием Николая Осипова. Путь Григория к православию характерен для многих тысяч узников сталинских лагерей. Проведя большую часть сознательной жизни в атеистическом обществе, он никогда не задумывался о нематериальной его стороне. Поэтому в лагере был искренне удивлен, что физически гораздо более слабый, чем он сам, Николай легче переносит трудности и лишения. Не сразу соотнес Григорий выдержку и терпение Николая с его верой. Но постепенно осознал, что поддерживает Осипова именно глубокая религиозность. Заключение Николая воспринимал как часть необходимой для спасения родной страны искупительной жертвы. А потому этот крестный путь был для него хотя и мучительным, но исполненным великого смысла. И, действительно, смысл этот был: заключенные, подобные Николаю, помогли обрести веру (и благодаря этому выжить) многим товарищам по несчастью.

Самопожертвование для этого персонажа — сознательный и прочувствованный выбор, отвечающий высочайшим христианским идеалам: «Мы стали грубее и циничнее, большевики заразили все молодое поколение своим цинизмом. Этому можно противопоставить только мученичество. Надо идти

против них, как первые христиане шли против языческого Рима» [6, с. 23].

Сюжетная линия, связанная с судьбой Осипова, позволяет автору показать очень важное, с его точки зрения, направление антибольшевистской борьбы — создание подпольной «катакомбной» церкви. Этот феномен российской религиозной и общественной жизни — важный аспект в истории отечественной культуры. По понятным причинам он не нашел отражения в советской художественной и научно-популярной литературе соответствующего периода. С сущностью этого явления массовый отечественный читатель смог ознакомиться уже после перестройки в стране. В частности, на рубеже XX—XXI вв. в России опубликована монография британского православного священника В. Мосса. Среди освещенных автором явлений — деятельность «катакомбной» церкви в СССР. Английский исследователь пишет: «Сам термин приводит на память положение христиан в римскую эпоху и в эпоху иконоборческих гонений, когда церковь была вынуждена жить в полуполюгальном или нелегальном положении по отношению к государству». И характеризует ситуацию в России 1920-х гг.: «Фактически, организация неофициальных катакомбных общин стала необходимой, поскольку стало ясно, что богоненавистническое государство решилось на уничтожение Православной Церкви» [12, с. 123].

В диалогии В.И. Алексеева показан внутренний мир человека (Николая Осипова), целиком посвятившего свою жизнь «катакомбной церкви» после освобождения из лагеря. Его судьба при этом высвечивает важнейшую особенность диалогии: всесторонне доказательно аргументируя необходимость, неизбежность и огромную значимость подпольного антибольшевистского движения, автор фактически ничего не говорит о его сущности. В.И. Алексеев декларирует массовую готовность народа вернуться к православию. Утверждает, что при слиянии религиозной и национальной идеи возникнет мощнейший духовный потенциал. Показывает фигуру праведника, готового отдать жизнь за общее дело. Однако писатель никогда не затрагивает «технической» стороны вопроса, не объясняет, как именно эта вновь возникшая сила должна, по его мнению, освободить народ.

Все три центральных персонажа диалогии — русские православные люди — при всех их личностных различиях одинаково физически не могут жить в стране, где установлена советская власть. Они все вступают в борьбу с государственной системой и все трое в конечном итоге перестают существовать в родной стране. Проследившая судьбу каждого из них, Алексеев показывает возможные пути противостояния режиму, приемлемые для православного патриота. В первую очередь — это активная деятельность, направленная на повышение духовности общества в целом. Конечная цель такой де-

ятельности — сделать безбожную большевистскую власть неприемлемой для всего народа. Избравшего подобный путь ждала физическая гибель, что и случилось с Николаем Осиповым. Другое направление — непосредственное противостояние режиму, вооруженная борьба против государства. Такого рода деятельность, показывает В.И. Алексеев, невозможно успешно осуществить только силами созданного в СССР антибольшевистского подполья. Без поддержки мощного союзника этот путь также неизбежно ведет к физическому уничтожению. Павел Истомина изначально готов сотрудничать с любой силой, выступающей против большевизма, в том числе с агрессорами и оккупантами. Он видит в таких союзниках меньшее зло для России, чем действующее руководство страны. Подтверждением его правоты становится судьба третьего главного героя Григория Сапожникова. Автор проводит его через множество конкретных испытаний в прифронтовой полосе и на фронте. В каждом эпизоде герой сталкивается с реальным проявлением на бытовом или этическом уровне несовместности патриотического чувства и веры в Бога, с одной стороны, и коммунистической идеологии — с другой. Долгим и мучительным путем Сапожников принимает то же решение, что и его друг Истомина: в прямом и в переносном смысле переходит на сторону Германии. Таким образом, Истомина и Сапожников хотя и уцелели физически, но оказались за пределами родины. По окончании Второй мировой войны ни одного из трех центральных персонажей в СССР не оказалось.

Эпопея по жанровой природе, диалогия В.И. Алексеева содержит значительное количество массовых сцен. Они служат для характеристики общественно-политической ситуации и морально-этических установок, свойственных изображенному в произведении обществу. Смысловое наполнение этих сцен полностью подчинено раскрытию основной мысли автора: все они отражают — в различных проявлениях — несоответствие коммунистической идеологии подлинному (православному) духу русского народа. В первой части диалогии массовые сцены только пунктирно обозначены. Таким образом В.И. Алексеев показывает убогий советский быт, индустриальные стройки первых пятилеток и места заключения. Примером могут служить приведенные выше цитаты, где говорится об очередях за хлебом, о похоронах Ленина и о прощании с патриархом Тихоном.

Большая часть массовых сцен сосредоточена во второй части диалогии — во время Великой Отечественной войны. Солдатская масса здесь — коллективный персонаж, собирательный образ, имеющий большое значение для развития сюжета и для личностного становления одного из главных героев — Сапожникова.

Одна из самых сильных в романе по эмоциональному воздействию сцена, ставшая кульмина-

ционным моментом в его самоопределении — показательный расстрел дезертира. Это потрясающее своим цинизмом мероприятие, на которое насильно сгоняют солдат, состоит из двух частей. Первая — публичная казнь, которой предшествует полуторачасовая идеологическая говорильня. Вторая — показ патриотического фильма. «*Строй заколебался, шеи вытянулись, тела напряглись. Вдоль противоположной шеренги двигалась группа: впереди тщедушный солдат в шинели, накинутой на плечи, за ним два автоматчика и офицер. Группа остановилась недалеко от того места, где стояли комиссар и офицеры. Григорий только теперь заметил, что как раз там была куча свежей земли — могила. Солдата в накинутой шинели поставили лицом к могиле*». Трагическая сущность происходящего на некоторое время теряется в потоке пропагандистских речей, которые сначала произносят сами офицеры, а затем вынуждают к тому же солдат: «*Вся сцена начинала казаться неестественно обыденной и пошлой, — рядовой нудный советский митинг*». Но завершение этого «митинга» обратным светом проясняет его бесчеловечность: «*Офицер, стоявший за приговоренным, поднял наган... Серая шинель, наброшенная на плечи казненного, опустилась, и тело мешком упало в яму*» [6, с. 259–260].

В этой сцене до физической осязаемости отчетливо показано, насколько несопоставимы отдельная человеческая жизнь, слабая и хрупкая, и мощь идеологической машины государства. Становится совершенно очевидным, что направлена эта машина не на уничтожение плоти, но на подавление духа сопротивления, на искоренение сомнения и на устрашение.

Проблему несовместимости коммунистической идеологии с православием и русской национальной идеей В.И. Алексеев затрагивает и в произведениях малой эпической формы. Таких в творческом наследии писателя всего несколько и невозможно определить однозначно их жанровую природу. По тематике они распадаются на две части, соответствующие основным сюжетным линиям диалогии. О перебежчиках из Советского Союза, подобных Павлу Истомину и Григорию Сапожникову, рассказывается в цикле очерков о «недавно бежавших» [13]. Это определение автор включает и в названия, и — неоднократно — в сам текст.

В историях «недавно бежавших» писателя интересует, прежде всего, почему и как совершил каждый из них этот судьбоносный поступок. Факт попадания перебежчиков на Запад писатель рассматривает как «хэппи-энд». В большей части произведений этого цикла центральный персонаж показан, прежде всего, как определенный социальный тип. Только в одном очерке — «В тупике» (1950) жизненный выбор героя соотносится с его индивидуальным (атеистическим) мировоззрением. Автор здесь

сосредоточен, в первую очередь, на психологии Николая, на его душевных переживаниях. Повествование в этом очерке строится на сочетании собственно и не собственно прямой речи. Автор воспроизводит рассказ присутствующего здесь же Николая, непосредственно от своего имени комментируя его. Рассказчика с первого же взгляда на героя поразили его глаза: «Немного неприятные глаза... такие бывают у крупных уголовных преступников, смелость и отчаяние. Нет в душе таких людей внутренней опоры, нет веры в высшие ценности, в Бога, — одна необузданная воля» [13, с. 140].

В ходе беседы рассказчик постепенно начинает понимать, откуда возникла у него подобная аналогия. Натура свободолюбивая до крайности, Николай не выносит никакого насилия над собой. Во время войны он трижды бежал от немцев: и с подневольных работ, и из плена. Два раза его ловили, жестоко наказывали, но он не раскаивался и не оставлял попыток бежать вновь. После победы оказался в составе советских оккупационных войск в Германии и вновь ощутил себя несвободным. На этот раз стремление к личному освобождению подтолкнуло его, в первую очередь, не к активным действиям, а к осмыслению ситуации в целом. В результате Николай бежал на Запад, спасаясь от тотальной несвободы на родине. Однако обретенной с таким трудом свободой он не умеет распорядиться. Весь предшествующий жизненный опыт научил этого человека бороться за свободу, но не дал никаких ориентиров для существования в свободном мире, никакой нравственной опоры для этого. В поисках выхода Николай сумел нащупать верный путь: обращение к высшим духовным ценностям. Однако прийти к религии не смог, поскольку с детства воспитывался исключительно в духе воинствующего атеизма. Николай глубоко страдает от неспособности обрести подлинное религиозное чувство. Поэтому и напоминает он автору уголовника, причем крупного. Писатель сопоставляет: «...там и тут это люди незаурядные, целеустремленные, но зашедшие в тупик: жизнь им не удалась, а кроме этой неудавшейся видимой жизни нет и не будет для них ничего другого. Дошли они до пропасти, заглянули вниз и увидели одну черную, зловещую пустоту. Она-то и отразилась навсегда в их взгляде» [13, с. 141].

К сюжетной линии Николая Осипова из дилогии примыкают рассказ «Возвращение» (1951) [14] и серия очерков о московских священнослужителях 1920–1930-х годов. При этом следует отметить принципиальную разницу между способами дальнейшего развития в творчестве В.И. Алексеева сюжетных линий дилогии. Очерки о «недавно бежавших» сюжетно только продолжают линию Истомина и Сапожникова. Произведения же о людях религии соответствующую сюжетную ли-

нию дилогии значительно углубляют. К пониманию необходимости искупительной жертвы Николай Осипов приходит путем долгих нравственных исканий. Для отца Федора из «Возвращения» мысль эта естественна и очевидна. «Бога люди потеряли! — оживился о. Федор. — Теперь, чтобы все восстановить, нужны мученики, страстотерпцы, гонения — чтобы терпение появилось, чтобы смирились все» [14, с. 67]. В моральном плане этому персонажу легче было в заключении, чем в той московской повседневности, в которую он вернулся после освобождения. В лагере отцу Федору было изначально понятно собственное предназначение. Более того, оно радовало монаха, являлось предметом его гордости: «Мне представляется, что, умирая так, как надо, я собою как бы мостик перекидываю из нашего-то теперешнего ада, из тьмы крошечной, а потом, по этому мостику и другим перейти легче будет» [14, с. 69]. Больших нравственных усилий стоит отцу Федору понять, что в миру он на данном этапе еще нужнее, чем в лагере. Такие люди, как он, тайный монах, и его друг отец Ипполит, тайный священник, по мнению автора, совершенно необходимы в советском обществе. Их предназначение — разглядеть и поддержать душевно здоровое начало у большинства людей и по-христиански простить тех, у кого все хорошее из души вытравлено.

В рассказе так же, как и в дилогии, затрагивается тема родственной взаимосвязи религии и искусства, образующих единый феномен отечественной культуры. Родной отец Николая Осипова был профессором искусствоведения. Лучший друг отца Федора — преуспевающий советский скульптор Петр Николаевич. Обласканный правительством СССР, имеющий роскошную квартиру и мастерскую, материальный достаток, этот художник все же сохранил творческую принципиальность и гражданское мужество. Даже выполняя заказные работы, он не боится творить по совести, изображая сильных мира сего такими, каковы они в действительности. Кроме того у Петра Николаевича есть еще тайная мастерская, где в течение нескольких лет он, ежечасно рискуя своим благополучием, создает скульптуры людей, подобных отцу Федору. Этой работе скульптор отдает большую часть времени и таланта. Но шедевры тайной мастерской не предназначены ни для продажи, ни даже для демонстрации. Если они и принесут автору какие-либо дивиденды, то очень нескоро. Для самого Петра Николаевича эта работа — потребность души, позволяющая ему выразить себя в творчестве и послужить отечественному искусству.

Писатель Василий Иванович Алексеев подобную работу проделал в слове. В серии его очерков «Московские протодиаконы» (1974, 1975) [15] и «Московские проповедники» (1975) [16] воссо-

здана целая галерея портретов русских православных священников первой трети XX века. Кроме того в очерках много интересных сведений и замечаний об особенностях церковной и, шире, религиозной жизни России в этот период.

Комплексный анализ художественной прозы В.И. Алексеева, проделанный в контексте всего его творческого наследия, наглядно показывает, во-первых, особенности восприятия и отражения действительности, свойственные писателю, во-вторых, большую информационную и собственно-художественную значимость его произведений. В.И. Алексееву присущ взгляд на отечественную историю через неразрывную связь русской национальной идеи и православной веры. Эти важнейшие для русской культуры ценности писатель экспонирует через литературный текст, отличающийся характерными особенностями, показанными выше. Такая позиция, четко и последовательно выраженная в его художественной прозе, очень актуальна в настоящее время. Это позволяет утверждать уместность и своевременность интеграции творческого наследия В.И. Алексеева в отечественный культурный обиход.

Список источников

1. Алексеев В.И. Роль церкви в создании Русского государства. Период централизации: Иван III, 1462–1505 гг. Санкт-Петербург : Бельведер, 2003. 280 с.
2. Алексеев В.И., Ставру Ф.Г. Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории. Москва : Чтець, 2014. 203 с.
3. Агеносов В.В. Восставшие из небытия. Антология писателей Ди-Пи и второй эмиграции. Москва : АИРО-XXI ; Санкт-Петербург : Алетейя, 2014. 736 с.
4. Пивовар Е.И. Российское зарубежье. Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. Москва : РГГУ, 2008. 545 с.
5. Алексеев В.И. Невидимая Россия. Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1952. 405 с.
6. Алексеев В.И. Россия солдатская. Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1954. 343 с.
7. Alexeev V. Russian Orthodox Bishops in the Soviet Union, 1941–1953 = [Русские православные епископы в Советском Союзе, 1941–1953] : Materials for the History of the Russian Orthodox Church in the U.S.S.R. New York : Research Program on the U.S.S.R., 1954. 163 p. (Mimeographed Series ; № 61). Обл. и тит. л. англ., текст рус.
8. Alexeev V. The Foreign Policy of the Moscow Patriarchate, 1939–1953 = [Внешняя политика Московского Патриархата, 1939–1953] : Materials for the History of the Russian Orthodox Church in the U.S.S.R. New York : Research Program on the U.S.S.R., 1955. 238 p. (Mimeographed Series ; № 70). Обл. и тит. л. англ., текст рус.
9. Alexeev V. The Two Russian Revolutions of 1917. Minneapolis, 1962. 61 p.
10. Теория литературы : в 2 т. Т. 1. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика / под ред. Н.Д. Тамарченко. 5-е изд., испр. Москва : Академия, 2014. 512 с.
11. Лейдерман Н.Л. Теория жанра. Исследования и разборы. Екатеринбург : Словесник, 2010. 904 с.
12. Мосс В. Православная церковь на перепутье (1917–1999) / пер. с англ., ред. пер. Т.А. Сенина. Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. 416 с. (Богословская и церковно-историческая библиотека).
13. Алексеев В.И. Недавно бежавшие // Возрождение. 1950. № 7. С. 136–145.
14. Алексеев В.И. Возвращение // Возрождение. 1951. № 13. С. 54–70.
15. Алексеев В.И. Московские протоиереи // Новый журнал. 1974. № 117. С. 157–164 ; 1975. № 118. С. 155–161.
16. Алексеев В.И. Московские проповедники // Новый журнал. 1975. № 121. С. 200–210.

ORTHODOXY AND THE RUSSIAN NATIONAL IDEA IN V.I. ALEKSEEV'S WORKS

MAYA E. BABICHEVA

Russian State Library, 3/5, Vozdvizhenka Str., Moscow,
119019, Russia
E-mail: BabichevaME@rsl.ru

Abstract. For the first time, the article attempts to identify the cultural aspect of V.I. Alekseev's creative legacy and to introduce the fictional prose of this author into the scientific discourse. This will allow to better repre-

sent the complex scope of Russian literature abroad and to deepen its analysis as a cultural phenomenon.

V.I. Alekseev (1906–2002) was a writer of the second wave of Russian emigration, who is nowadays almost unknown in his motherland. Meanwhile, his works are a significant part of our national culture, which deserve the attention of Russian readers and researchers for a number of reasons. First of all, this is a specific perspective in which the writer sees and reflects the reality. Alekseev views the national history through an unbreakable bond of the Russian national idea and Orthodoxy. Secondly, it is the complexity and significance of the period of Russian history Alekseev writes about. The action in his

works, reflecting primarily the author's personal life experience, takes place in the USSR during the interwar years, as well as on the both opposing sides on the front line during the Great Patriotic War and in the West (mainly in Germany) soon after the end of the Second World War. The article describes the peculiarities of the individual style of the author, who, undoubtedly, had great literary skills. There are identified and represented Alekseev's three main ways of central idea developing in his main work of fiction – the dilogy "Invisible Russia" (1952) and "Soldierly Russia" (1954). The genre nature of this work is revealed.

The complex analysis of the creative legacy of Alekseev is given in the article in correlation with his biography. The writer's life journey, also almost unknown to the average Russian reader, is exposed to light, partly on the basis of resources difficult to access (introductions to the emigrant editions of the middle of the 20th century, emigrant press of the same period), partly through the reconstruction made by the author of the article, basing on the autobiographic works of Alekseev. The list of sources includes rare, hardly accessible materials and may serve as an additional characteristic of the writer's creative legacy.

Key words: national idea, Russia, Orthodoxy, emigration, ideology, culture, epic, narrative, genre, style, character.

Citation: Babicheva M.E. Orthodoxy and the Russian National Idea in V.I. Alekseev's Works, *Observatory of Culture*, 2017, vol. 14, no. 6, pp. 747–755. DOI: 10.25281/2072-3156-2017-14-6-747-755.

References

1. Alexeev V.I. *Rol' tserkvi v sozdanii Russkogo gosudarstva. Period tsentralizatsii: Ivan III, 1462–1505 gg.* [The Church's Role in the Creation of the Russian State. The Period of Centralization: Ivan III, 1462–1505]. St. Petersburg, Bel'veder Publ., 2003, 280 p.
2. Alexeev V.I., Stavrou Th.G. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' na okkupirovannoi nemtsami territorii* [The Russian Orthodox Church under German Occupation]. Moskva, Chtets' Publ., 2014, 203 p.
3. Agenosov V.V. *Vosstavshie iz nebytiya. Antologiya pisatelei Di-Pi i vtoroi emigratsii* [Risen from Obscurity. The Anthology of the Writers of DP and the Second Emigration]. Moscow, AIRO-XXI Publ., St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2014, 736 p.
4. Pivovarov E.I. *Rossiiskoe zarubezh'e. Sotsial'no-istoricheskii fenomen, rol' i mesto v kul'turno-istoricheskom nasledii* [Russian Community Abroad. The Socio-Historical Phenomenon, the Role and Place in the Cultural and Historical Heritage]. Moscow, RGGU Publ., 2008, 545 p.
5. Alexeev V.I. *Nevidimaya Rossiya* [Invisible Russia]. New York, Imeni Chekhova Publ., 1952, 405 p.
6. Alexeev V.I. *Rossiia soldatskaya* [Soldierly Russia]. New York, Imeni Chekhova Publ., 1954, 343 p.
7. Alexeev V. *Russian Orthodox Bishops in the Soviet Union, 1941–1953: Materials for the History of the Russian Orthodox Church in the U.S.S.R.* New York, Research Program on the U.S.S.R. Publ., 1954, 163 p. (Mimeographed Series, № 61).
8. Alexeev V. *The Foreign Policy of the Moscow Patriarchate, 1939–1953: Materials for the History of the Russian Orthodox Church in the U.S.S.R.* New York, Research Program on the U.S.S.R. Publ., 1955, 238 p. (Mimeographed Series, № 70).
9. Alexeev V. *The Two Russian Revolutions of 1917*. Minneapolis, 1962, 61 p.
10. Tamarchenko N.D. (ed.) *Teoriya literatury: v 2 t. T. 1. Teoriya khudozhestvennogo diskursa. Teoreticheskaya poetika* [Theory of Literature: in 2 volumes. Volume 1. Theory of the Literary Discourse. Theoretical Poetics]. Moscow, Akademiya Publ., 2014, 512 p.
11. Leiderman N.L. *Teoriya zhanra. Issledovaniya i razbory* [Theory of the Genre. The Studies and Critiques]. Yekaterinburg, Slovesnik Publ., 2010, 904 p.
12. Moss V. *Pravoslavnaya tserkov' na pereput'e (1917–1999)* [The Orthodox Church at the Crossroads (1917–1999)]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2001, 416 p.
13. Alexeev V.I. *Nedavno bezhavshie* [Recently Escaped], *Vozrozhdenie* [Renaissance], 1950, no. 7, pp. 136–145.
14. Alexeev V.I. *Vozvrashchenie* [Coming Back], *Vozrozhdenie* [Renaissance], 1951, no. 13, pp. 54–70.
15. Alexeev V.I. *Moskovskie protodiakony* [Moscow Protodeacons], *Novyi zhurnal* [The New Review], 1974, no. 117, pp. 157–164, 1975, no. 118, pp. 155–161.
16. Alexeev V.I. *Moskovskie propovedniki* [Moscow Preachers], *Novyi zhurnal* [The New Review], 1975, no. 121, pp. 200–210.